

КУЛЬТУРЫ И «КУЛЬТУРАЛИЗМЫ»

Кирилл Эмильевич Разлогов

Доктор искусствоведения,
профессор Всероссийского государственного института
кинематографии им. С. А. Герасимова (ВГИК, г. Москва).
E-mail: kirill.razlogov@gmail.com

CULTURES AND «CULTURALISMS»

Kirill Razlogov

Professor, VGIIK (State Film Institute, Moscow).
E-mail: kirill.razlogov@gmail.com

Настоящая статья посвящена изменениям в культуре и одновременно в наших представлениях о ней, иногда в корне меняющих базовые методологические принципы и в социальных науках, и в гуманитарном знании. В первой части статьи подробно рассматривается просветительская концепция «культурной вертикали» — глобальной (хотя в реальности евроцентристской) иерархии уровней культурного развития, а точнее, приобщенности к иудео-христианской картине мира и ее рациональному истолкованию в западной философии. Распад этой целостной системы в результате крушения колониальных и прочих империй приводит к формированию разного рода концепций множественности культур, среди которых наиболее распространенными и дискуссионными становятся мультикультурализм, интеркультурализм и транскультурализм. Автор показывает, что каждая из них имеет свои социо- и историко-культурные основания, но только в совокупности они дают возможность воссоздать общую картину культурного многообразия не только современного мира, но и иерархических и сетевых связей, позволяющих понять и проанализировать сложные взаимодействия между глобальной «индустрией развлечений», профессиональными сообществами и субкультурами различных конфигураций и разных уровней, которые иногда упрощенно называются (как в соответствующей Конвенции ЮНЕСКО) «формами культурного самовыражения».

The author links changes in culture and cultural life with transformations in the field of cultural studies and cultural policies. Special attention is given to methodological scope of social sciences and humanities. The first part of the article is devoted to the Eurocentric cultural hierarchy where cultural development

is measured by the adoption of Judaeo-Christian values in their interpretation by Western philosophers. The disintegration of this complex system came with the fall of colonial and other empires giving way to a multiplicity of autonomous cultures that destroyed the unique “vertical”. The ongoing discussions about new concepts born in the turmoil of these transformations proposed several models both of cultural policies and their theoretical interpretations. The centre stage of the controversial analysis took first multiculturalism, then interculturalism and finally transculturalism. Going through their historical and social formation the author shows that only a complex combination of different approaches gives the possibility to understand the complex multilevel networks forming and reforming cultural life on the planet. Cultural diversity that under political pressure became the diversity of forms of cultural expression in UNESCO conventions shaped the complex interactions between the global entertainment industry, professional communities and diverse types of subcultures.

Ключевые слова: культура, евроцентризм, мультикультурализм, интеркультурализм, транскультурализм, субкультура, культурная вертикаль, разнообразие культур, формы культурного самовыражения.

Keywords: culture, eurocentrism, multiculturalism, interculturalism, transculturalism, subculture, cultural hierarchy, cultural diversity, forms of cultural expression.

В начале XXI в. живой классик российской философии культуры В. М. Межуев справедливо отметил: «Культура — главное слово XX в. В каком смысле главное? В XVIII в. таким словом было слово “природа”: все ответы на вопросы, встающие перед человеком, искали в природе. Это был век “наук о природе”. XIX в. — век исторических и социальных наук, ответ на вопрос о сущности человека искали в истории и обществе. В этот век родилась социология. И лишь в XX в. основной инстанцией, отвечающей на этот вопрос, была признана культура — более фундаментальная историческая и общественная реальность, чем даже экономика и политика» (Межуев, 2009: 107).

Приведенное выше положение было сформулировано философом в традиционной европоцентристской просветительской парадигме. Для просвещенных европейцев (в том числе и российских «западников») ситуация представлялась очевидной. Культура в общественном сознании определялась чаще всего как все лучшее, что создано человечеством, и воспринималась как ценностная вертикаль. С этих позиций она служит качественной характеристикой отдельных людей, а в процессе исследования организуются определенные иерархии, в вершине которых, как правило, находятся бог или боги

(в христианстве Святая Троица), либо воображаемая точка, в которой сходятся истина, добро и красота. Вслед за воплощением бога вниз по вертикали идут жрецы, священники и образованные группы населения. Как правило, при формировании такого рода представлений таких групп очень ограниченное количество: это, в первую очередь, святые мученики и пророки, во вторую — университетские профессора, далее, по известной русскоязычной формуле, «читающая и пишущая публика». Идея эта получила развитие в первую очередь в европейском христианстве, хотя в других вариантах существует и в остальных мировых религиях. Теоретик, будучи носителем определенной культуры, считает свои представления универсальными и выстраивает вертикаль в соответствии с собственными убеждениями.

С древнейших времен и вплоть до середины XIX в. процент как пишущих людей, так и читателей, способных прочесть развернутый литературный текст, не говоря о многотомном романе, был очень небольшим. Грамотных на земном шаре было около пяти процентов населения. Из них единицы были действительно заинтересованы в литературных текстах, основная же часть населения ограничивалась восприятием проповедей, и храм, как и в Средние века, был и оставался основным источником знаний и представлений о мироздании. Параллельно существовала профанная культура, формировавшаяся в непосредственном общении между людьми и долгое время культурой не считавшаяся.

На основе этой вертикали в эпоху Просвещения возникает представление о Культуре с большой буквы как основе гуманитарного знания, которое базируется на том, что сфера культуры едина и автор исследовательских текстов анализирует весь окружающий человеческий мир с собственных позиций, которые считает универсальными.

Представление о единой культурной вертикали, обязательной для всех и определенным образом гармонизировавшей с единобожием и политикой распространения христианства вширь, предполагало согласие образованных слоев населения с некими общими принципами, будь то религиозными или светскими, просветительскими. Знание древних языков — греческого и латыни, в сочетании с катехизисом, создавало ту общую культурную среду, в контексте которой определялась заведомая неполноценность всех прочих субкультур.

В соответствии с этими представлениями «некультурные» части человечества, столпившиеся у подножья этой своеобразной ментальной пирамиды, включали и «иноверцев» (в том числе приверженцев «неевропейских» мировых религий), и «неразвитых» подростков, и неграмотных «простых людей», и всякого рода туземцев и аборигенов. Приобщение к европейским ценно-

стям и повышение культурного уровня и становились критериями развития и человека и общества.

«Европейская философия еще с античных времен выступила основанием своей культуры, — отмечал О. К. Румянцев, — что определило ее универсальный характер, и это хорошо видно с нашей ретроспективной точки зрения, хотя в собственном смысле слова “культуру” можно тематизировать лишь относительно концепта “природа”, т.е. в Новое время. Это и было сделано де-факто у И. Канта, а де-юре концептуализация универсальности культуры осуществлена только Г. В. Ф. Гегелем. Философия культуры (в классической форме) предлагает совместить универсальность европейской культуры и уникальность других культур; притом надо помнить, что интуиция уникальности имеет истоком эпоху романтизма (т.е. имеет также европейское происхождение), когда открываются национальное своеобразие, красота детства, прелесть примитива, активность бессознательного мира, права всего “ненормативного” на место в существовании. Тогда в качестве неклассических вариантов философии культуры и культурологии можно условно обозначить концепции, предлагающие отказаться от тоталитаризма универсальности европейской культуры и полагающие изначальность и самообоснованность множественности уникальных культур (где европейская — одна из множества). Однако такой “качественный культурный атомизм” все равно потребует введения некоторой “универсальной субстанции”, а если она будет понята как “внекультурная” (сейчас уже кажутся наивными и странными попытки свести человеческую экзистенцию к “биологическому”, но ведь до середины XX в. это было новым словом в культурологии), то возникнет еще ряд вопросов, с которыми даже непонятно что делать. Потому задачу, по-моему, следует поставить иначе: надо по-новому понять “универсальность” европейской культуры. Начало такому пониманию уже заложено в Новое время, и современная философия существенно продвинулась в этом направлении» (Румянцев, 2012: 21–22).

Тем не менее культурная вертикаль, выстраивающая разного рода иерархии, не только для неспециалистов, но и для многих комментаторов и исследователей культуры продолжает действовать как универсальный методологический ключ и в XX, и в XXI в. В этой связи поучительно напомнить одно замечание известного этнолога С. А. Арутюнова. На вопрос, правомерно ли использование в науке словосочетаний «бескультурный человек», «некультурный человек», ученый ответил: «Это ненаучные, обывательские словосочетания. Они правомерны постольку, поскольку входят в обывательскую, просторечную языковую традицию. В научном дискурсе они не могут употребляться. С точки зрения научной ни некультурного, ни бес-

культурного человека быть не может» (Арутюнов, 2009: 32). Поясню, что некультурными обычно считают представителей других культур, не только этнических, но и, скажем, социально-демографических, например молодежной или подростковой (откуда распространены суждения о «некультурных подростках»). На культурной вертикали основываются все концепции так называемого эстетического воспитания и все качественные оценки явлений. Разница между просветительской парадигмой и современной ситуацией состоит лишь в том, что единую вертикаль сменило представление о множественности иерархий, каждая из которых строится в соответствии с той или иной культурой или субкультурой, множественность которых была осознана общественным сознанием лишь в середине XX в., когда в политическом плане возобладало представление о множестве равноправных культур различных народов и стран, сформировавшихся в ходе распада колониальных империй. Параллельно в различных отраслях знания (биологии, философии, этнологии, антропологии, социологии, культурологии и т.д.) были разработаны разные определения того, что следует понимать под термином «культура», разные подходы к исследованию и методы ее анализа. С распространением понятия «культурная политика» появилось и соответствующее направление в исследовании культуры (Астафьева, 2010: 8–12; McGiugan, 2004: 15–19).

В XVIII–XIX вв. роль как центра, так и основания вертикали перешла к национальным культурам, по отношению к которым культуры региональные, демографические, локальные, социально детерминированные (разных классов или общественных групп) стали трактоваться как субкультуры. Афроамериканская культура в США, культура отдельных германских земель, молодежная и женская культуры, а также культура «третьего возраста» (престарелых граждан) воспринимались как некие подчиненные, нижеположенные конгломераты и стали называться субкультурами.

По мере формирования наций-государств главной точкой отсчета при анализе обозначенной проблематики стала национальная культура. В структуре государственного управления во второй половине XX в. в большинстве промышленно развитых стран возникли Министерства культуры (как правило, в разных сочетаниях, будь то с туризмом, наукой, образованием, СМИ, коммуникацией и т.п.) и сложились представления об «отрасли культуры», которой эти Министерства призваны управлять. Отраслевое представление о культуре обычно включает в себя две сферы: культурное наследие (памятники истории и культуры, музеи, библиотеки, иногда архивы) и искусство (как классическое, так и современное художественное творчество). Параллельно развивалось художественное образование и эстетическое воспита-

ние, соотношение которых с медиаобразованием до сих пор можно считать не до конца решенной проблемой.

В этих условиях в общей перспективе чрезвычайно актуальным остается преодоление ведомственного подхода и широкое антропологическое понимание культуры, которое утверждается и в международных документах ООН и ЮНЕСКО (*Our Creative Diversity*, 1995), Совета Европы (*In From the Margins*, 1997), и в российских Основах государственной культурной политики.

С позиций национальных культур рассматриваются культуры других стран и народов, как правило, отдаленных от позиций исследователя, — народов Крайнего Севера или народов, давно ушедших с подмостков истории. Для их описания существует особая наука, этнография, посвященная описанию нравов, обычаев и традиций, составляющих особенности той или иной культуры.

Понятие «субкультура» получило распространение в социологии, изучающей специфику различных групп населения, и в этнографии и этнологии, исследующих быт и традиции стран и регионов, по своим обычаям далеко отстоящих от европейской традиции, которая в течение нескольких столетий устанавливала нормы, считавшиеся универсальными.

XX в. внес известные коррективы в эти представления. Под воздействием крушения колониальных империй и культурной эмансипации стран и народов самых разных регионов мира слово «культура» стало использоваться не в европоцентристском единственном, а во множественном числе, что и было зафиксировано в документах ЮНЕСКО. Все культуры больших и малых народов объявлялись равноправными, и этим как бы отрицалось привилегированное положение «самого равного среди равных» — европейского сознания и его национальных вариантов.

Распад СССР и кризис политической и идеологической биполярности мира неожиданно выдвинул взаимодействие субкультур в центр развития современной цивилизации. На смену представлениям о двух культурах (читай: субкультурах) в каждой национальной культуре пришел программный культурный (и политический) плюрализм. На него последовала двоякая реакция.

С одной стороны, в поисках психологической опоры люди стали обращаться к собственным корням — историческим и культурным традициям как ядру идентичности того или иного этноса, отделяющего его от соседей и даже противопоставляющего им. Самобытность субкультур стала источником конфликтов, нередко вооруженных. Именно во взаимодействии субкультур, зачастую широко, но не повсеместно распространенных (примером

могут служить уходящие в глубину веков цивилизационные конфликты представителей разных вероисповеданий), кристаллизуется фундаментальное отсутствие взаимопонимания между людьми. Проблема субкультур превращается из сугубо академической в практическую и политическую, в том числе и в ключевом аспекте культурной политики. Как выстраивать отношения между представителями и носителями различных культур (нравов, обычаев, традиций и верований) в рамках того или иного государства и в международном планетарном масштабе? Как способствовать взаимопониманию между людьми? Как смягчить неизбежные при этом конфликты и противоречия и какие изменения в законодательстве для этого потребуются? Ответственной за решение этих проблем и была объявлена культурная политика.

С другой стороны, миграция населения и ускорение процессов передвижения на современном этапе увеличивают культурную диффузию на базе разрозненных непосредственных контактов между носителями различных субкультур. В результате получил распространение мультикультурализм — существование многих субкультур в рамках той или иной конкретной региональной или национальной общности. Мультикультурализм возник и получил права гражданства под воздействием крушения колониальных империй и культурной эмансипации стран и народов самых разных регионов мира. Взаимодействие субкультур определяется термином «интеркультурализм», охватывающим формы взаимовлияния и взаимопонимания между людьми различных мировоззрений, пристрастий и историко-культурных традиций. Об этих понятиях и их методологическом значении мы скажем подробнее.

Ранее, в XVII–XIX вв. (так называемое Новое время), ведущая роль принадлежала нациям-государствам, по отношению к которым культуры региональные, демографические, локальные, социально детерминированные (разных классов или общественных групп) трактовались как вторичные. Официально признавалась единая национальная культура, культуры других этносов имели право на существование только в частной жизни, в приватном пространстве.

Мультикультурализм призвал вывести их в публичную сферу и стремился достичь социальной сплоченности за счет многообразия. Под давлением представителей наций-государств термин «культурное разнообразие» в официальных документах ЮНЕСКО был заменен формулировкой «разнообразие форм культурного самовыражения» (ср. «Всеобщую декларацию ЮНЕСКО о культурном разнообразии», выпущенную в 2001 г., и «Конвенцию об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения» 2005 г.), что само по себе свидетельствовало о кризисе мультикультурализма.

Его проблематика стала еще более актуальной в связи с объединением большинства стран Европы в Европейский союз, многократно увеличивший процессы внутренней миграции, параллельные волнам миграции извне, в первую очередь из стран Ближнего Востока в Европу и из стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки — в США. В последних случаях расовые, этнические, религиозные и собственно культурные различия очевидны, и возникающие в общежитии конфликты далеко не всегда находят разрешение в контексте политики (или, точнее, политик) мультикультурализма.

В начале XXI в. конфликты обострились, на разных территориях участились террористические акты, ведущие политические деятели Европы заговорили о крахе мультикультурализма. Политика и идеология ряда стран стала строиться на основе религиозного фундаментализма. Нарастали и внутренние противоречия, в особенности между шиитами и суннитами на тех территориях, где ислам — религия преобладающая. Представителей мультикультурализма в первую очередь обвиняли в искусственном обособлении отдельных культурных сообществ и в недоучете необходимости взаимодействия между ними, неизбежного в процессах глобализации.

Одним из вариантов преодоления этих недостатков мультикультурализма и стала теория интеркультурализма, акцентировавшая взаимодействие между культурами и необходимость сохранения некоей «стержневой» культуры для того или иного сообщества, которая заняла бы место ранее единой национальной культуры. В свою очередь, транскulturализм поставил во главу угла пересечение границ и слияние разных культур сообществ и отдельных индивидов.

Как бы ни относиться к политике мультикультурализма и ее результатам, множественность и разнообразие культур в любой точке земного шара остается важнейшей характеристикой современного мира, наряду с глобализацией и распространением массовой культуры, которая осваивает и преобразует это многообразие в потоке массовых коммуникаций.

Интеркультурализм — теория и практическая деятельность, направленная на установление продуктивного взаимодействия между культурами и культурными сообществами. Интеркультурализм получил распространение в Европе как одна из версий мультикультурализма, постулировавшего сосуществование различных культурных сообществ на одной территории или в рамках одного государства. Если консервативная ветвь мультикультурализма абсолютизировала обособленность культур, то интеркультурализм поставил акцент именно на процессе взаимодействия между культурами, не отрицая их разнообразия.

Отечественные историки и теоретики культуры, а также зарубежные марксисты ссылались на то, что прямым предшественником интеркультурализма была политика интернационализма в Советском Союзе, которая направлялась на построение единого государства на основе признания и взаимодействия различных национальных (этнических) и культурных сообществ. Распространению таких воззрений способствовала принятая в советский период концепция, что первичными являются классовые, а не этнокультурные конфликты и противоречия. С точки зрения культурологии господствовавшие в коммунистической идеологии представления о двух культурах в каждой национальной культуре (и соответственно о борьбе прогрессивной и реакционной культур) представляют собой лишь частный случай множественности культур и их многофакторного взаимодействия. Теория научного коммунизма утверждала, что с построением социалистического общества в СССР формировалась единая культура, социалистическая по содержанию и многообразная лишь по форме. В результате многим казалось, что федеративная структура, в которую вписывались и союзные и автономные республики, не несет в себе существенных противоречий. Теоретические воззрения такого рода были опровергнуты распадом СССР и последующей эскалацией напряженности на всей территории Евразии. Суть проблемы в том, что СССР — не нация-государство, а империя. Новая историческая общность людей — советский народ — осталась лишь теоретическим конструктом. А вот идея плодотворного взаимодействия культур, возможность которого декларировалась (а иногда и реализовалась) в Советском Союзе, сохраняла свою привлекательность, и поэтому на новом витке спирали идеи интеркультурализма возродились на Западе, как в Европе (особенно в период расширения Европейского Союза), так и в США и Канаде — колыбели мультикультурализма.

И мультикультурализм, и интеркультурализм пришли на смену представлениям о разных формах культурной ассимиляции в нациях-государствах, где иммигранты должны были либо безоговорочно принимать господствующие в той или иной стране нравы, обычаи и традиции (европейский вариант), либо растворяться в «плавильном котле» новой цивилизации (вариант США).

Ведущие теоретики интеркультурализма Биху Парех, Уилл Кимличка, Сейла Бенхабиб, Франческо Фистетти, Жерар Бушар и др. рассматривают интеркультурализм как результат активности многоступенчатости культурных сообществ, их взаимодействия и взаимозависимости и различия тех уровней, на которых они определялись: от индивидуального («интеркультурная личность») через разного рода коллективные общности («интеркультурное

государство», а также расовые, этнические, языковые, гендерные, социально-демографические, религиозные и т.п. сообщества). Играть свою роль и глобальные социокультурные процессы.

Наиболее ярким примером в этом смысле считается Канада. В результате двойной колонизации, сначала французской, а затем британской, в стране два официальных языка и более десяти языков местных северных народов.

В результате в различных частях страны меняется иерархия культур. На большей части территории страны преобладает, как и в соседних США, англоязычная культура, а вот в провинции Квебек, где исследователь Ж. Картье в 1534 г. основал первую французскую колонию, колыбель нынешней Канады, функции господствующей культуры принимает на себя франкоязычная, а англоязычная становится субкультурой. Кроме того, в стране много малочисленных и коренных народов, также требующих права на самоопределение и учет своей специфики. Режим поощрения легальной иммиграции приводит к необходимости уважения культурной специфики различных потоков приезжих поселенцев. Отсюда особый теоретический вклад канадских ученых и политиков в разработку и практическое применение концепции интеркультурализма.

Своеобразной хартией интеркультурализма считается «Белая книга о межкультурном диалоге. Достойное существование для всех», изданная Советом Европы в 2008 г. В создании этой коллективной декларации участвовала и Канада как ассоциированный член Совета Европы. В тексте утверждается, что демократическое управление нарастающим культурным разнообразием, корнями восходящим к истокам цивилизации и усиленным сегодня процессами глобализации, стало в последние годы важнейшим политическим приоритетом. Этот программный документ создан в соответствии со стремлением мирового сообщества ответить на следующие вопросы:

- Какой должна быть реакция общества на этническое и культурное разнообразие?
- Каково наше видение общества завтрашнего дня?
- Идет ли речь о мире, где люди будут жить обособленными сообществами, в лучшем случае сосуществующими как большинство и меньшинства на основе взаимного неведения и разного рода стереотипов?
- Или, наоборот, мы будем развивать динамичные и открытые общества, без какой бы то ни было дискриминации, поддерживающие интеграцию всех и каждого при полном уважении к их фундаментальным правам?

Очевидно, что эти вопросы носят риторический характер, а предлагаемое решение — интеркультурализм и диалог культур — несет в себе не меньше противоречий, чем реальных перспектив.

Приоритет в разработке проблем диалога культур принадлежит российским исследователям, в первую очередь М. М. Бахтину и В. С. Библеру. Сложносоставность и потенциальная конфликтность возникающего в результате полилога показана в их исследованиях.

Вместе с тем нельзя не согласиться с теоретиками и практиками современного интеркультурализма, утверждающими, что межкультурный диалог, с одной стороны, позволяет в известной мере сгладить этнические, религиозные, языковые и культурные противоречия, а с другой — создает предпосылки для совместного продвижения вперед на основе конструктивного и демократического признания различных культур и идентичностей.

Интеркультурализм был призван преодолеть ограниченность мультикультурализма, который в своей догматической форме привел к негативным практическим результатам, когда, например, государственное финансирование распределялось исключительно представителям определенных общин, а люди, стремившиеся отстаивать свои права на государственном уровне, оказывались ущемлены. Более того, в условиях массированного потока мигрантов граждане, находившиеся у себя на родине в угнетенном состоянии, и в стране прибытия становились еще более подвержены разного рода ограничениям.

Крайней точкой и экстремистским примером такой ситуации была одна из территорий Франции, где большинство населения составляли мусульмане. Они установили свои правила, в частности, запрещавшие въезд на эту территорию женщинам других вероисповеданий. Парадокс состоял в том, что те же самые женщины Востока у себя на родине могли обратиться к государству за помощью против общинного угнетения, а в странах, проповедующих мультикультурализм, такой возможности они лишены.

Интеркультурализм, в противовес мультикультурализму, постулировал приоритет взаимодействия культурных сообществ перед обособлением и в какой-то мере способствовал становлению гражданского общества и формированию социальной сплоченности как в рамках отдельных государств, так и на более широкой территории в том или ином регионе.

Третье направление современной культурной политики получило название транскulturализма. Имеется в виду сосуществование нескольких культурных идентичностей в отдельных индивидах или сообществах. Возрождение теорий транскulturализма в минувшем веке также было связано с распадом колониальных империй, кризисом европоцентризма и осознанием множественности культур. Поскольку попытки воплощения концепции мультикультурализма в жизнь привели к серьезным социально-политическим конфликтам, возникла необходимость теоретического обновления.

Ответом на этот вызов на фоне процессов глобализации и стал транскультурализм.

Считается, что проблематику транскультурализма еще в конце XIX в. очертил кубинский антрополог и политический деятель Хосе Марти в статье «Наша Америка». На ее основе латиноамериканский исследователь Фернандо Ортиз в середине XX в. предпринял попытку определения понятия транскультурализм. Он развил теорию, согласно которой транскультурализм способствует преодолению односторонности концепции «плавильного котла» как радикального разрыва с исконной культурой иммигрантов. Основываясь на опыте чернокожих кубинцев, осуществивших своеобразное скрещивание африканской, испанской и англоамериканской культур, он определил транскультурализм как синтез двух одновременных фаз развития: разрыва с прошлым, который он назвал «декультурацией», и скрещиванием (*metissage*) с настоящим, что, по его мнению, и позволило создать новую общую культуру.

Теорию транскультурализма как действенной альтернативы мультикультурализму развивал российский философ, культуролог и эссеист М. Н. Эпштейн, особенно в период работы в США и Великобритании. Столкнувшись с необходимостью вхождения в иную культуру, он пришел к выводу, что жесткое разграничение обособленных культурных сообществ непродуктивно. Эпштейн предложил культивировать в себе стремление выйти за пределы «своей» культуры и познать (почти в библейском смысле) другие культуры не только как наблюдатель извне, но и как их носитель изнутри. По его мнению, транскультурный подход постулирует недостаточность и неполноту любой культуры и, соответственно, необходимость радикальной открытости к диалогу с другими, без иерархий и бинарных оппозиций по типу: «мы» и «другие», «мы» и «они».

Одновременно с формированием и развитием культурологии в XX в. получили распространение идеи множественности культур в рамках и за пределами культур этнических и национальных. За так называемой ленинской теорией двух культур в каждой национальной культуре (господствующей реакционной и прогрессивной, революционной) последовало осознание многих других разграничений: социальных, демографических, психологических и сексуальных, на основе которых формировались соответствующие культурные сообщества.

Важное значение приобрело пересечение и нарушение границ, как естественных, так и социальных. В этом контексте особое значение на рубеже веков и тысячелетий приобрела приставка «транс...». Трансграничное общение, трансгендер, трансгрессия в любой ее форме стали предметом размышлений

и обсуждений. Свобода нравов, первоначально составлявшая привилегию творческой богемы, распространялась вширь благодаря демократизации модернистского импульса (формулировка американского социолога Д. Белла) и охватывала все более широкие слои населения, наталкиваясь на ожесточенное сопротивление фундаментализма в его различных проявлениях.

В связи с этим транскультурными героями стали те, кто в реальности или в воображении, в самих себе, перебрасывают мосты через бездны противоречий и конфликтов. Первыми в этом ряду оказались переводчики с одного естественного языка на другой, затем разного рода переговорщики, дети от смешанных браков и связей, люди, которые на практике осуществляли культурную гибридизацию, с осознания которой, как мы видели, и начинались теории Хосе Марти и Фернандо Ортиза. Бисексуалы, люди, сменившие пол и, наконец, вампиры и оборотни стали излюбленными героями литературы и искусства. И это не случайно: осуществляя связь между полами, человеческим и животным миром, посясторонней и потусторонней реальностью, они превращались в своеобразные символы транскультурализма.

Примеров тут можно приводить множество. Ограничусь одним, самым показательным. Художник и кинорежиссер Сергей Параджанов, родившийся в столице Грузии Тбилиси в армянской семье, завоевал известность и подвергался гонениям в Украине за национализм — а конкретнее за яркий показ культуры гуцулов в фильме «Тени забытых предков» (1964). Его родным языком был русский, но он владел (в разной степени) и грузинским, и армянским. Отбывая тюремное заключение за транссексуальность (жена и сын, с одной стороны, и множество гомосексуальных связей — с другой), он в лагерях приобщился к тюремной блатной культуре и был признан своим в сообществе уголовников, по определению перешедших границу между нормальным подзаконным и преступным существованием.

Продолжающиеся теоретические дискуссии позволяют понять возникающие в процессе осознания множественности культур процессы и противоречия, пронизывающие современный мир не только географически, но и вертикально: снизу доверху и сверху донизу. Таким образом, методологически различные подходы социальных наук с одной стороны и гуманитарного знания с другой только в совокупности дают возможность воссоздать общую картину многообразия современного мира и существующих в нем иерархических и сетевых связей, позволяющих понять и проанализировать сложные взаимодействия между теоретическими построениями ученых, политическими практиками и реальностью культурной жизни в прошлом, настоящем и будущем.

Литература

- Арутюнов С. А. (2009). Взгляд и нечто на культуру человека и человека культуры // Этнология — антропология — культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия: Материалы международной научной конференции, состоявшейся 3–5 апреля 2008 г. М.: Весь мир. С. 26–32.
- Астафьева О. Н. (2010). Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (Лекции 1–3) // Культурологический журнал Journal of Cultural Research (Электронное периодическое рецензируемое научное издание). №2. URL: http://www.cr-journal.ru/files/file/02_2011_20_39_36_1297964376.pdf (дата обращения 25.07.2016).
- Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения 12.01.2019).
- Конвенция ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2005). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml (дата обращения 12.01.2019).
- Межуев В. М. (2009). Выступление в дискуссии // Этнология — антропология — культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия: Материалы международной научной конференции, состоявшейся 3–5 апреля 2008 г. М.: Весь мир. С. 106–108.
- Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ: Сб. Под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М.: Ин-т этнологии и антропологии; Ин-т философии РАН, 2002.
- Основы государственной культурной политики. Утверждены Указом Президента Российской Федерации в декабре 2014 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201412250002> (дата обращения 12.01.2019).
- Паин Э. От мультикультурного раскола к мультикультурному единству. URL: http://old.presidentsovet.ru/structure/consolidation_group/materials/proceedings_of_the_workshop/from_the_multicultural_division_of_multicultural_unity (дата обращения 12.01.2019).
- Разлогов К. Э. (2015). Метаморфозы идентичности // Вопросы философии. №7. С. 28–40.
- Румянцев О. К. (2012). Классическая и нетрадиционная универсальность европейской культуры // Философия — философия культуры — культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия: Материалы междунар. науч. конф. 7–9 апр. 2011 г. Белые Столбы / Рос. ин-т культурологии; отв. ред.: Н. А. Кочеляева, К. Э. Разлогов. М.: Совпадение. С. 21–37.
- Тлостанова М. В. (2000). Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М.: ИМЛИ РАН, Наследие.
- Толкачев С. П. (2013). Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». №1 (январь — февраль).

Трансформация образовательных технологий гуманитарного профиля в условиях множественности культур и идентичностей: науч.-метод. материалы для рук. и науч.-пед. работников вузов / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена; [редкол.: К. Э. Разлогов (пред.) и др.]. СПб.: Книжный Дом, 2008.

Транскультурные отношения как механизм взаимодействия наций и народов Европы (на материале 27-летнего опыта международного научного и культурного фестиваля «Евриада»). URL: www.culturalnet.ru/main/getfile/350 (дата обращения 12.01.2019).

25 Years of Human Development. URL: <http://www.hdr.undp.org/en/25-years> (дата обращения 26.07.2016).

In From the Margins. Strasbourg: Council of Europe, 1997. URL: https://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/culture/resources/Publications/InFromTheMargins_EN.pdf (дата обращения 26.07.2016).

Labelle M., Dionne X. (2011). Les fondements theoriques de l'interculturalisme. Rapport présenté à la Direction de la gestion de la diversité et de l'intégration sociale, Ministère de l'Immigration et des Communautés culturelles, Québec. Montréal: Chaire de recherche en immigration, ethnicité et citoyenneté, UQAM. Québec : Gouvernement du Québec, Ministère de l'Immigration et des Communautés culturelles, septembre 2011.

McGuigan, Jim (2014). Rethinking Cultural Policy. London: Open University Press.

Open secularism, interculturalism, the fight against discrimination and guidelines for accommodation — Bouchard-Taylor Commission/ URL: <http://www.accommodements.qc.ca/communiques/2008-05-22a-en.html> (дата обращения 12.01.2019).

Ortiz F. (1995). Cuban Counterpoint. Durham and London: Duke University Press.

Our Creative Diversity. Paris. UNESCO, 1995. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0010/001055/105586e.pdf> (дата обращения 26.07.2016).

Razlogov K. (2018). Parajanov in prison: an exercise in transculturalism // Studies in Russian and Soviet Cinema. Volume 12. 2018. Issue 1. P. 37–57.

White Paper on Intercultural Dialogue “Living Together As Equals in Dignity”. Launched by the Council of Europe Ministers of Foreign Affairs at their 118th Ministerial Session (Strasbourg, 7 May 2008).

References

Arutyunov S. A. (2009). Vzglyad i nechto na kul'turu cheloveka i cheloveka kul'tury // Ehtnologiya — antropologiya — kul'turologiya: novye vodorazdely i perspektivy vzaimodejstviya: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, sostoyavshejsya 3-5 aprelya 2008 g. M.: Ves' mir. S. 26–32.

Astaf'eva O. N. (2010). Kul'turnaya politika: teoreticheskoe ponyatie i upravlencheskaya deyatel'nost' (Lekcii 1–3) // Kul'turologicheskij zhurnal Journal of Cultural Research (EHlektronnoe periodicheskoe recenziruемое nauchnoe izdanie). №2. URL: http://www.cr-journal.ru/files/file/02_2011_20_39_36_1297964376.pdf (data obrashcheniya 25.07.2016).

- Vseobshchaya deklaraciya YUNESKO o kul'turnom raznoobrazii (2001). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (data obrashcheniya 12.01.2019).
- Konvenciya YUNESKO ob ohrane i pooshchrenii raznoobraziya form kul'turnogo samovyrazheniya (2005). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml (data obrashcheniya 12.01.2019).
- Mezhuev V. M.* (2009). Vystuplenie v diskussii // Ehtnologiya — antropologiya — kul'turologiya: novye vodorazdely i perspektivy vzaimodejstviya: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, sostoyavshejsya 3–5 aprelya 2008 g. M.: Ves' mir. S. 106–108.
- Mul'tikul'turalizm i transformaciya postsovetskih obshchestv: Sb. Pod red. V. S. Malahova i V. A. Tishkova. M.: In-t ehtnologii i antropologii; In-t filosofii RAN, 2002.
- Osnovy gosudarstvennoj kul'turnoj politiki. Utverzhdeny Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii v dekabre 2014 g. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201412250002> (data obrashcheniya 12.01.2019).
- Pain Eh.* Ot mul'tikul'turnogo raskola k mul'tikul'turnomu edinstvu. URL: http://old.presidentsovet.ru/structure/consolidation_group/materials/proceedings_of_the_workshop/from_the_multicultural_division_of_multicultural_unity (data obrashcheniya 12.01.2019).
- Razlogov K. Eh.* (2015). Metamorfozy identichnosti // Voprosy filosofii. №7. S. 28–40.
- Rumyancev O. K.* (2012). Klassicheskaya i netradicionnaya universal'nost' evropejskoj kul'tury // Filosofiya — filosofiya kul'tury — kul'turologiya: novye vodorazdely i perspektivy vzaimodejstviya: Materialy mezhdunar. nauch. konf. 7–9 apr. 2011 g. Belye Stolby / Ros. in-t kul'turologii; otv. red.: N. A. Kochelyaeva, K. Eh. Razlogov. M.: Sovpadenie. S. 21–37.
- Tlostanova M. V.* (2000). Problema mul'tikul'turalizma i literatura SSHA konca XX veka. M.: IMLI RAN, Nasledie.
- Tolkachev S. P.* (2013). Mul'tikul'turalizm v postkolonial'nom prostranstve i kross-kul'turnaya anglijskaya literatura // Informacionnyj gumanitarnyj portal «Znanie. Ponimanie. Umenie». № 1 (yanvar' — fevral').
- Transformaciya obrazovatel'nyh tekhnologij gumanitarnogo profilya v usloviyah mnozhestvennosti kul'tur i identichnostej: nauch.-metod. materialy dlya ruk. i nauch.-ped. rabotnikov vuzov / Ros. gos. ped. un-t im. A. I. Gercena; [redkol.: K. Eh. Razlogov (pred.) i dr.]. SPb.: Knizhnyj Dom, 2008.
- Transkul'turnye otnosheniya kak mekhanizm vzaimodejstviya nacij i narodov Evropy (na materiale 27-letnego opyta mezhdunarodnogo nauchnogo i kul'turnogo festivalya «Evriada»). URL: www.culturalnet.ru/main/getfile/350 (data obrashcheniya 12.01.2019).